

Сладится все, устаканится.
Светлой приметой земной —
Ласточка, хрупкая странница,
Чертит круги надо мной.

Это кружение знаково —
Древний наш мир неделим —
Птиц и людей одинаково
Тянет к гнездовьям своим.

Тихо стою у обочины,
С неизречимой виной,
Перед окном заколоченным,
Перед осевшей стеной.

Щели да черная сажика,
В трещинах стекол края.
Хоть и не мой он, а кажется —
Есть в том вина и моя.

Горькая доля, несытая,
Тянет-потянет до дна.
Через окошко невымытое
Вся мне Россия видна.

Правдо- и хлебоискатели,
Здесь ваш и Бог, и порог.
Эти дома, словно матери,
Ждут у проезжих дорог.

Выдюжим. Милые, отчие,
Пусть и не враз, не спеша.
Руки на месте и прочее,
И не просела душа.

Тонкими крыльями, странница,
Режь голубой окоем.
Гнезда поправим и, станется,
Вновь заживем, запоем.

ЖЕЛТЫЕ КУВШИНКИ

Мы плыли в лодке по реке,
Садилось солнце вдалеке,
Пах берег мятой
И кукушка куковала.
Ты, руки за борт опустив,
Рвала кувшинки и из них
Плела венки
И на головку примеряла.

Сказал я тихо: «Милый друг.
В кувшинке желтой скрыт недуг,
А наша жизнь порой —
Беспомощней пушинки.
Клянусь, что искренне любя,
Я потерять боюсь тебя.
Нашлют беду нам
Эти желтые кувшинки».

«Да что цветок? Беда не в нем,
А в том, что холоден наш дом,
Вот от чего пусты
Приметы эти.
Предав однажды с той, другой,
Ты потерял меня, родной.
Чего ж бояться мне теперь
На этом свете?»

Боль часто бьет больной свинца.
Боль, как река — ей нет конца.
И как с ней дальше жить,
И как осилить горе?
Я плыл на лодке по реке.
Я плыл один, с цветком в руке.
Была рекой моя беда,
А стала морем.

Вы жили нелепо,
 Ругаясь до хрипа.
 Родню и соседей достав
 До нутра.
 Но в этот четверг
 Вы умрете от гриппа
 В районной больнице
 В семь тридцать утра.

Вы даже не жертва —
 Один из немногих,
 Кого не спасли, по привычке,
 Врачи.
 Вас два санитара
 Потащат за ноги:
 В линялом трико,
 Со следами мочи.

Но ваш переход завершится
 Не скоро.
 Привычно сгибаясь
 И корча лицо,
 Вы станете в звездных просить
 Коридорах
 Замолвить за вас
 Перед Богом словцо.

Что, дескать, прониклись.
 И даже медали
 За что-то имели,
 Но как ни крути:
 Постигший финал
 Вас устроил едва ли,
 Что надо бы как-то
 Поярче уйти.

Пока же на кухне,
 Весь мир презирая,
 Вы жадно глотаете суп
 В неглиже.
 Но знайте,
 Что вашу кровать баба Рая
 В палате седьмой
 Застилает уже.

ЧУЖИЕ ДОРОГИ

О, годы, бредущие прочь вереницей,
 Хранящие лики и звуки живые...
 Когда-то я жил, ну, почти за границей,
 На улице с именем странным Йые.

Там берег под окнами морем был вспорот,
Там сон был от боли единственным средством.
Я каждую ночь возвращался в свой город,
Туда, где навечно повязан был с детством.

Я слушал напевы кавала в Измире,
А в Домском соборе аккордов окружье,
Но самая лучшая музыка в мире
Рождалась не там, а в садах Прибитюжья.

Мне скалы Афгана грозили оскалом,
Я знал перевод автоматного лая
И, кожу с ладоней сдирая о скалы,
Не знаю, как выжил в огне Келагая.

Чужие дороги, вы звали и били,
Мы знали, что можем вернуться едва ли,
Но все-таки шли, потому что любили,
Но все-таки шли, потому что мечтали.

* * *

О том, что будет с нами впредь —
Не разгадать и по приметам.
Мы перед тем как умереть,
Едва ли будем знать об этом.

Бывает так, что днем иным
Душа скорбит неумолимо —
То смерть дыханием своим
Ее спугнет, промчавшись мимо.

А кто-то барствует в Крыму
И строчит ямбы без заминки,
Того не зная, что ему
Лапшу катают на поминки.

Уже с рождения для нас
Есть даты радостям и бедам,
Но правда в том, что всякий раз
Нам Божий промысел неведом.

ОСЕНЬ

К тучам свинцовым прибито
Над лесом
Солнце,
Как щит на Царьградских воротах.

Связка сушеных грибов
Под навесом —
Осень!
Вновь осень в центральных широтах.

Снова туманы легли,
Не спросили,
Влагою ватной
Укутав приречье.
Слишком короткое лето
В России,
Словно
Внезапный укол у предплечья.

Сжалось, как будто, и вновь
Отпустило,
Колкою дрожью
По клеточке каждой.
Сердце,
Ну, ты-то чего загрустило?
Так уже было
Не раз и не дважды.

Мы ведь привычные —
Мы не прогнемся.
Майского солнца, как прежде,
Дождемся.
Ливнем умоемся —
Ветром утремся
И улыбнемся еще,
Улыбнемся!